

КУЛЬТУРА И СЕЛО. Портреты из глубинки

Анатолий Маркович Цирульников,
*член-корреспондент РАО, профессор,
доктор педагогических наук*

Судя по всему, сельская школа опять, как любят писать в газетах, «на пороге перемен». Но, кажется, не тех, которые ей предрекают: выход в Интернет, крупные школы, единые госэкзамены — это мы ещё поглядим, подождём, как говорится, пока «рак на горе не свистнет». А вот другие перемены, которых никто, кажется, не ожидал, пришли сами. Стукнули в окошко, за порогом стоят.

- национальная культура • педагог-мастер • школа-производство
- народный эпос • развитие человека • народная педагогика

Происхождение мастера

С прошлого века и до перестройки школа была «очагом культуры», «единственным культурным центром села» (выражение довольно сомнительное — кто видел село с несколькими центрами?). Таковой сельская школа кое-где остаётся, от безвыходности. Но те, кто только сейчас это понял и намереваются в плановом порядке превратить все школы

в культурные центры, ищут прошлогодний снег. Потому что сменилась жизненная ситуация, и сельская школа из единственного центра культуры стала, кажется, единственным на селе местом занятости — больше работать негде. Сельский учитель, а точнее, учительница, теперь единственный на селе работник, кормилец, а директор школы приобрёл, можно сказать, статус управляющего, помещика

без поместья. Хотя кое-где и поместья уже появляются: знаю про школу, при которой есть подсобное хозяйство, куда принимают работать выпускников.

Но, понятно, что дать всем работу школа не может. И остаётся что делать? Её организовывать.

Давайте зафиксируем эту нарождающуюся, парадоксальную (в экономически слабо развивающейся стране) ситуацию. Новый этап сельского образования: школа — организатор новых рабочих мест. Центр социально-экономических инициатив.

Идея, кажется, заманчивая, но кто будет её осуществлять? Нет кадров, которые решают всё или хоть что-нибудь. И откуда взять?

История, которую я хочу рассказать, — о происхождении народного мастера. Считается, что это длинная, многовековая история. А она очень короткая.

Несколько лет назад Илья Аргунов стал директором родной школы села Игидэй, сел со своим однокашником Афанасием Лопатыным, и они стали думать, где найти мастеров, которые бы научили детей какому-нибудь полезному делу. Положим, кузнечному. А кузнеца — нет, народного мастера, «ууса», как говорят в Якутии, в реальной жизни села нет, мифология одна. Так или примерно так говорили между собой молодой директор школы и его одноклассник Афанасий, на примере которого, кстати, можно увидеть, откуда берётся народный мастер.

Работал человек в Якутске на сувенирной фабрике. Окончил художественную школу. Захотелось, говорит, чтобы на родине тоже произошли какие-то изменения. Вернулся домой, встретился с Ильёй и стал вести в школе кружок технического творчества. Мастерили то, что пользуется спросом — сенокосилки, самоходные агрегаты, вездеходы повышенной проходимости. Заинтересовались не только дети, но и взрослые. А что если, подумали друзья-

товарищи Илья и Афанасий, вспомнить, кто и чем у нас в классе занимался, какой был интерес. Вспомнили Алешку, у которого была тяга к музыке, что-то мастерил. Варвара шила красиво. Софрон работал на пилораме, а хотел большего. Прокопий ковырялся в металле...

Начали с этого разговора, и постепенно собрали одноклассников (кто-то был здесь, кто-то в соседнем селе, а кто-то работал в городе, но послушал Илью и Афанасия и загорелся, решил попробовать). И сложилось то, что теперь называется Центром возрождения национальной культуры «Перевал».

Директора Игидэйской школы Ильёю Ильича Аргунова, встретившего нас на огромной поляне перед школой с младенцем на руках (жена по делам уехала), я спросил: «В каком смысле «Перевал»? «Во взрослую жизнь», — ответил он.

И представил своих народных мастеров. Я посчитал: три народных мастера Республики Саха (это тарификационная специальность, утверждённая правительством), четыре мастера-педагога (народных умельца), шесть педагогов дополнительного образования высшей категории...

Да откуда они взялись? А оттуда, из школьного выпуска. Рассказать подробно о каждом случае не хватит места, поэтому хотя бы о некоторых — фрагменты.

Алексей Харайданов — человек «без специальности, без места жительства, без определённых занятий», как шутя представил директор своего бывшего одноклассника. Был кочегаром. Пять лет назад, когда открылся центр, пришёл работать сапожником. Окончил курсы и учил детей шить северную меховую обувь. Но влекло к музыке. Старинные якутские инструменты почти исчезли. Стал читать, ходил в музеи, расспрашивал людей. В одном селе натолкнулся на человека, у него был старинный струнный инструмент (поздней это вылилось в систему — поиск таких людей, народных мастеров,

и обучение у них). Теперь Алексей — мастер по изготовлению и игре на старинных музыкальных инструментах, которые возродил. Изготавливает двухструнную якутскую скрипку, разные барабаны, какой-то совершенно невероятный шаманский инструмент, похожий на огородное чучело: медные и железные трещотки, звон монет, бой барабана — детям очень нравится.

У мастера семь учеников разного возраста, мальчики и девочки уже сами изготавливают инструменты, играют и поют...

Прокопий Быгынанов — в прошлом электрик, сторож, тракторист (возил в школе дрова). Теперь по рукописям народного мастера Мандара из Баяги изготавливает с девятиклассниками якутские ножи. Спрашиваю: «Не страшновато, что ребята с ножами?» «Нет, — отвечает Прокопий, — они же с детства видят». А раньше нож давали четырёхлетнему ребёнку, и он висел у него на поясе. Специально не обучали — просто смотрел, как работает отец, и что-то делал, игрушки себе вырезал.

Варвара Матаннанова учит ребят перешивать на себя одежду старших братьев и сестёр, шить нарядное платье (на каждый день односельчане и сами могут, а нарядное в школе заказывают).

Альберт Попов — не из этого выпуска, просто знакомый, бывший ученик физматшколы, шофёр, жокей — руководит местной телестудией, в штате у него 13 ребят, есть репортёр, диктор, два кинооператора... Когда я ходил по студии, мальчик снимал меня камерой.

Ещё есть парикмахеры, ювелиры, мастера по изготовлению кумысной посуды, которую президент Якутии, когда хочет сделать кому-то подарок, заказывает у них.

По видеозаписи я посмотрел, как тринадцатилетние ученики доят в летнем лагере диких кобылиц и осваивают технологию изготовления кумыса. Эта маленькая, довольно удалённая по нашим понятиям (день езды от Якутска) школа изготавливает более десяти сертифицированных национальных напитков из кобыльего молока: «чёрный кумыс» на каждый день, кумыс с маслом или сметаной, «крепкий кумыс» (с градусом). Ещё — кислое коровье молоко с польнью, напиток из чаги, берёзовый сок, смородинный, есть

напиток вроде вина из одуванчиков, как у Рэя Брэдбери. Фантастика? Я рассматривал изготовленные с помощью компьютерной графики фирменные этикетки, они наклеены на бутылках всех этих чудесных напитков, которые пользуются большим спросом по всей Якутии. Школа вышла на рынок. Причём с продуктами, производство которых требует не столько физических усилий, сколько интеллектуальных (школа даже иллюстрирует по договору детские книжки, издаваемые в Якутске).

Теперь смотрите, что получается: в школе 247 учеников, и каждый вместе с аттестатом зрелости получит вот такое удостоверение, которое учителя разработали и утвердили вместе с Министерством образования республики: «Прошёл двухгодичную подготовку и получил дополнительное образование по такой-то специальности».

Как третье имя, которое, по якутским обычаям, получал ребёнок, проявивший себя в каком-то роде деятельности.

Пропуск во взрослость.

Центр возрождения национальной культуры «Перевал» расположен в недавно ещё заброшенном учительском общежитии. Теперь его не узнаешь, всюду кипит работа. Мастерские открыты целый день, и любой человек может прийти и что-то сделать своими руками.

Кое-что я видел. Веер из тетеревиных перьев. Ковер-азбуку с буквами якутского алфавита. Или картину из белого и коричневого песка под названием «Мечта охотника». Сидит один, скрестив руки, закрыв глаза, а на голове у него лось стоит. Хочется сказать: охотник, чего спишь, просыпайся!

Мой горн уже горит

Не знаю другого такого случая, когда взгляды рядом живущего человека, односельчанина, его жизнь и деятельность,

протекающие по соседству, кладутся в основу концепции школы, образования и воспитания. А в Баяге, как я понял, пытаются это сделать, опровергая утверждение о том, что нет пророка в своём Отечестве.

Удивительно, не Ян Амос Коменский, не Монтессори, не Эльконин-Давыдов. Обыкновенный человек, сельский кузнец.

Правда, не рядовой, а достигший, согласно существующей в якутской мифологии табели о рангах, самого высокого уровня мастерства. «Ус» высшей категории. Народный мастер Якутии, художник, этнограф. Свои книги, переведённые на разные языки мира (в Японии с его фотографией вышел перекидной календарь нового тысячелетия), он неизменно подписывает: «Кузнец Мандар».

Мандар Барыс, по-русски Борис Фёдорович Неустроев. На пророка похож мало. Худенький, прыгучий, чемпион по ходьбе на длинные дистанции.

Ходить есть где. Территория Баягинского наслега, по-нашему, сельсовета — две с половиной тысячи квадратных километров. Леса, охотничьи угодья, озёра. «У меня своё озеро, — сказал кузнец-пророк, когда мы познакомились поближе, — приедете, будете сесть, мы вам тоже озеро дадим».

Просторное село на горках... Запомнилось: костёр горит, полная луна, ветерок метёт как пурга белую пыль. Племянница Мандара, десятиклассница, написала работу о восприятии цвета народом Саха. Двадцать оттенков белого цвета. Дядя поправил — сорок. Белый с оттенком льда. Снежно-белый. Белый как седина. Белый снег на широком поле в степи. Белый как масть лошади. Белый как лебедь. Как облака. Небесно-белый...

Чёрного меньше. Это его родина. Имя предка — не известно, когда он жил, только имя сохранилось — Сойуп-пат, означает «Никогда не гасит огонь в горне» или «Не позволяет ему остыть» — так можно перевести. От это-

го предка по отцовской линии пошла родословная. Луковце-вы, Тордуины, Неустроевы — были кузнецы. А Мандаровы, Чаховы, Дедюкины — краснодеревщики. В старину ремесло было родовым занятием.

В советское время традиция прервалась. Но в наши дни, когда стали смотреть, оказалось, что ребята любят мастерить то же самое, что их предки. Пробуешь, говорит Мандар, учить такие-то фамилии кузнечному делу — не хотят, а к столлярному тянутся.

В человеке продолжает жить генная сила.

Поэтому вот первое правило педагогики по Мандару: «Сначала изучаем предков ребёнка, только потом направление даём, тогда человек быстрее развивается, не сопротивляется природе, идёт по своему пути».

Когда он родился в 1945 году, весил один килограмм семьсот граммов. Мать говорила, такой заморыш, не понятно как выжил. Но встал на ноги и очень быстро начал поправляться. Первый мужчина был в семье после отца. С девочками не хотел играть, ходил один. С собой разговаривал, с природой разговаривал.

Он с детства — путешественник. Первый раз (было ему четыре года) переночевал на лесной опушке. Летом мягкий ковёр из листьев, очень хорошо на нём спится, только нужно, чтобы лето было в разгаре, вечная мерзлота подтаяла — тогда тепло, уютно. По два месяца иногда путешествовал. Шесть раз ходил в большие походы. С собой ничего не брал, ни палатки, ни еды. Только удобную обувь да бумагу с карандашами. Ночевал в старых жилищах, амбарах, могильниках, срисовывал старые вещи и оставлял их на своих местах.

С животными всё время разговаривал. Шёл по лесу, а лисица, как собака, сбоку, немного на расстоянии от него шла — не боялась. Однажды по нему ласка бегала. Лежу, говорит, на спине, а она по мне, и в глаза смотрит. Без ружья шёл,

без ножа, даже без спичек. Костра не разжигал. Если от человека идёт запах дыма, это природу отпугивает. А если запаха дыма нет, животные чувствуют, что человек их родственник.

Появляются незнакомые чувства, говорит Мандар, прикладывая ладонь к сердцу. Я думаю, говорит он, человек живёт, а у него всё затуплено — чувства, обоняние. В конце похода обоняние становится как у зверя. Выйдешь на тропу — понюхаешь, уже знаешь, кто прошёл, когда, какой табак курит...

После таких походов часы на руке тикают как будильник. А про людей думаешь: зачем так громко говорят, будто не слышу.

Когда ходил в природу, всё время копался в старых вещах — игрушки, хлам всякий попадает в брошенных жилищах. Думал — что это, для чего? Очень привык изучать, трогать старые вещи. От них через руки тепло проходит по всему телу, и сразу ощущаешь своих предков.

С глубокими стариками очень любил разговаривать, расспрашивать их. Во время этих походов, начиная с шестидесяти третьего года, разговаривал с 80 стариками и старухами, которым перевалило за 100 лет. Свыше восьмидесяти разговоров у него записано на бумаге. Девяностолетних уже не считал сколько было, много.

По всей Якутии только к старикам ходил.

О мировоззрении много разговаривали, у него к этой теме большой интерес с детства. От отца перешло. Мягкий был человек, спокойный, широкий. Один из последних сказителей-олонхосотов, тогда это угасало, и отец сам себе пел под носом. На повседневные темы с сыном не говорил, только на философские темы, о взаимосвязи космоса с человеком. Когда на сенокосе работали, об этом шёл разговор. От отца научился он и этому своему необычному взгляду на мир — несколько свысока. Даже на себя научился смотреть — свысока. Как будто, говорит Мандар, хожу по земле и сверху на себя смотрю — что там у меня получается, что нет.

Рывками работать не любил. Якуты вообще не умеют работать и жить рывками, они тянут. Долго, медленно. Чем медленней крутятся жернова, тем качественней помол. Тут и реки медленные. Быстрые не тут — где эвенки.

В армии служил на атомной подводной лодке, помещение нагревалось до +50 градусов, такие перепады давления — человек вообще не выдерживает. А он — ничего. Но жизнь — это не подводная лодка... Вернулся, старики его одряхлели, надо было содержать. Устроился работать кочегаром, чтобы иметь свободное время. И загубил в этих кочегарках здоровье. Знаете, говорит он мне, там вода, сырость, пыль, и усталость всё время, в этих кочегарках. А уже у него пробудился мысленно огонь, «мой горн уже загорелся, — говорит Мандар, — с шестьдесят пятого года горит, и по сей день».

Маленькая мастерская Бориса Фёдоровича Мандара-Неустроева, где горн горит. Очень маленькая печь. Очень старый дом. В кузнице всё время кто-нибудь находится, с утра до глубокой ночи. Всё время в эту маленькую комнату очередь: совхоз распался, и кроме мастерской Мандара, других в селе нет. Приезжают и из других мест те, кто хочет вникнуть поглубже в кузнечное дело, тогда он учит. Живут у него неделю, месяц, сколько смогут, и учатся. Мандар смеётся: бесплатное училище.

В это училище к нему приходят маленькие дети. И кузнец Мандар учит их, когда они начинают крепко держать молот в руке. Никакого расписания нет, когда хотят, тогда и приходят. И только, кто хочет. У кого кровь предков играет в жилах — это сразу даёт фору и формирует привычку не бояться огня, умение побороть твёрдость металла, закалить клинок. После этого человек чувствует себя мужчиной. Маленькие ребята, кузнецы в десять, двенадцать, тринадцать лет, они уверенно смотрят и с человеком разговаривают. Уже мужчинами себя чувствуют. Гордые такие, не хотят уступать. Вот такими тоненькими ручками начинают ковать металл. Сил физических — мало. Но азарта, силы духа — очень много. Побороть металл, побороть себя. Здешние мальчишки расхлябанные, как везде, а начнут с металлом работать —

подтягиваются. К учёбе иное отношение. К здоровью. Совсем другие дети. Берут его за руку, пробуют мускулатуру. «Ну, как ты себя чувствуешь, как ты?» — спрашивают. Мандар смеётся.

Если работаешь с металлом, нрав становится мягкий. А человек — уживчивый и весёлый.

Петь хочется. Мандар прикладывает металл ко рту, и раздаётся фантастический звук. Длинный, амплитудный звук хомуса. Амплитуда колебания язычка хомуса должна совпадать с биоритмом хозяина, тогда получается высокая игра.

Чудный инструмент. Самый близкий человеку, как и свирель. Когда играешь на хомусе, состояние человека, здоровье, как ему живётся — всё передаётся инструменту. Вот такой получится звук, показывает Мандар, если только руки работают или губы. Полоска рта — звучит как камертон. А может греметь как колокол. «Сейчас кончик языка будет работать», — говорит Мандар. И я прислушиваюсь: будто идёт быстрый-быстрый разговор, болтают люди.

— «Сейчас язык будет двигаться около гортани».

Точно лебеди пролетают, трубя. Ближняя гортань — звук один, а глубокая, дальняя — другой, будто мотив из олонхо...

Человек сам себе инструмент и может сыграть любую мелодию. Вибрация закалённой стали очень быстрая, и получается чистый звук. Очень тонкое дело — закалывать язычок хомуса. Мандар учит этому своих учеников, но до совершенства доходят не все. Иногда даже он не может прийти до совершенства...

Так он уходил и возвращался, и из заброшенных старых жилищ, из хлама, от стариков, приносил рисунки. Много листов с изображением орнаментов, которые перерисовывал с разных вещей. На обороте каждого листа: что это такое, откуда взял, когда сделано —

данные о вещи. Этнографически точная копия вещи в единственном экземпляре.

Глядя на эти вещи, испытываешь гордость за предков. Тяжёлые, знающие себе цену, дорогие, торжественные. Тяжёлые, и в то же время — ажурные. Эти серьги — как будто стоящие женщины. А по этим ступенчатым деталям считали детей, родственников, богатство. Восемнадцать сантиметров длиной, ниже плеч, в виде подковы, ключа, замка двери. Есть даже, в двух видах изображено — спереди надувающаяся змея, а сбоку — ухватывающая себя за хвост вечность...

Мандар вырисовывает каждую бисеринку, бусинку и оттеняет пространство, чтобы было лучше видно. Волка ноги кормят, а его — память и руки. На один рисунок иногда уходит полмесяца. А у него их тысячи...

Издано 400 рисунков на дереве, ждут своей очереди орнаменты на одежде, металле, кости, бересте, глине...

Кажется, что через эти якутские орнаменты на нас смотрят глаза предков. Согласно психологическому эффекту, видишь то одно, то другое, узор превращается то в театральный занавес, то во взявших за руки людей. Как будто он обучает нас, идёт от простого к сложному: от детской берестяной игрушки, ягоды-малины, завитушки и сердечка — к солнечному кругу, вселенной и жизни человека в ней. А может быть, нет ничего простого — всё сложно. Или всё просто, но как прочесть и понять то, что написано.

Когда-то предки Мандара обладали письменностью, а потом утеряли. Есть легенда: прародитель якутов плыл на корабле, плохо привязал книгу, она утонула. Теперь только на скалах по Алдану, Лене встречаются письмена, тюркские рунические знаки... А когда письменность пропала, стали говорить орнаментом. Ведь орнамент — мать письменности, каждая закорючка что-то значит, каждый вид

орнамента — это отдельный, смысловой рассказ. Благодаря своему смыслу, орнамент и сохранился, считает Мандар, а если бы был только украшением — вряд ли.

Культурная почва — основа образования

В советское время, это я уже думаю вслед за Мандаром, все эти «сухие деревья», орнаменты, ритуальные танцы и шаманские пляски, власть принимала за фольклор, и слава богу. Поэтому сохранилось. И хотя мало кто мог прочесть эти идущие из веков послания, даже не понимая смысла, люди что-то чувствовали, испытывали другие чувства, чем «весь советский народ».

Может быть, поэтому остались людьми. Этносом, у которого под ногами не только вечная мерзлота, но культурная почва. Символы, знаки, образцы поведения, нравственные ограничения. Мёртвый язык, на котором, считается, народу заговорить невозможно — но ведь заговорили же.

У Мандара десять собственных книг, ещё к двадцати книгам сделал иллюстрации. Оформляет книги поэтов, которых любит, близких по духу, философских. Иллюстрировал переведённую на русский и английский — книгу Алексея Кулаковского, якутского Нострадамуса.

Рисунки Мандара очень выразительные.

Разинутый рот, зубы, как огромные ледяные сосульки, и туда, в эту разинутую пасть Бога идут звери, птицы, гады...

Космос в виде шаманского бубна. Капля, с которой начинается жизнь. Человечество, качающееся, как на маятнике, на обрывающейся верёвке. «Всё никак не опомнися, а наша жизнь висит на волоске, — комментирует Мандар, — и Бог, видите, смотрит на человечество, на верёвку...».

У основоположника якутской литературы Алексея Кулаковского, который написал своё знаменитое «Сновидение шамана», есть несколько пророчеств: о Первой мировой войне — лет за десять до неё, о большевиках (он умер в 1926 г.), о судьбе народа... Анализируя

взгляды, характер разных народов Запада и Востока, Кулаковский в своих пророчествах указывает, что якутам надо жить вместе с русским народом. Дальше идут примечательные строчки: «Якутам легче всего будет выжить с русским народом, который такой же отсталый полудикарь, как и мы, наивный добряк, неспособный обижать нас...»

Кулаковский считал, что слишком высоко развитая нация способна растоптать маленькую, ей проще существовать возле добродушного народа, стоящего на близкой к ней ступени развития. Не знаю, справедливо ли это утверждение сегодня, время меняет характеры народов. Но есть якутская пословица про драку больших народов, из-за которой больше всего страдают малые народы и дети.

Мандар это проиллюстрировал. Вихрь гражданской войны, голод в виде гигантской саранчи, великий Ленин, указывающий путь к коммунизму, но только путь всё уже и уже. «Это вид сверху», — объяснил Мандар, показывая рисунок, на котором зияет здоровенная лысина, а под ней идут человечки. «Я смотрю оттуда, откуда никто не смотрит», — смеётся он.

Человечество идёт путём дальнейшего развития в темноте, с лучиной. Душа якута, связанная с духом огня. Боги, услышавшие мольбу и не дающие упасть ковшу благословения лицом вниз. Всё кончается хорошо, в якутской палитре жизни оттенков белого цвета больше, чем чёрного.

Хотя жизнь, как известно, состоит из противоположностей, и пересечение светлого и тёмного рождает серое. Серый человек, срединный мир, где живут люди. Серая земля... «У нас, — говорю я Мандару, — серый — это посредственность». Но талант, гений тоже имеют разную окраску, отвечает он.

— Если творение приносит пользу людям, то оно светлое, а если погибель —

чёрное. Даже ребята сразу понимают этот рисунок.

«Где ты находишься», — спрашиваю, — тут?» «О, нет, — отвечает, — я там, наверное...»

Вот концепция кузнеца Бориса Мандара, опирающаяся на народный эпос.

Есть девять ступеней умственного развития человека.

Первая — «мать-разум», даётся свыше, из космоса, от космического разума. На солнце бывают вспышки, протуберанцы, вроде этого, говорит Мандар, мать-разум испускает лучи и лелеет другой тип разума, который оформляется у ребёнка до семи лет. Ребёнок ходит, ищет, творит — «движущий разум».

С семи до четырнадцати наступает пора «разума спорящего». Человек спорит, истину хочет найти.

Потом развивается «вперёд идущий ум», вперёд смотрящий, вперёд думающий. Человек начинает планировать жизнь, думать о будущем. Следующую ступень можно перевести на русский язык как «ясновидящий разум». Человек созревает, смотрит ясно вокруг, вперёд, туман проходит, колебания проходят.

Самая высшая точка развития человеческого ума, по якутской народной педагогике, — разум сказителя и кузнеца.

Не только кузнеца, а любого мастера, достигшего высшего мастерства в своём деле и приносящего наибольшую пользу людям. Реализовавшего своё предназначение.

Проявление человека как мастера — высшая точка развития его разума. Дальше, говорит Мандар, боги идут...

Ночлег закончен. Горит горн. В селе собираются кузнецы. Они сообща достают топливо, пользуются общими инструментами. Маленькое общество мастеров, куда приходят дети. Может это и есть школа?

Вопрос в том, как соединить эту необычную школу мастеров с обычной. Не могу сказать, что в Баяге это уже сделано. Но хотят сделать. Думают, как.

Я видел огромные склеенные листы родословных, составленных детьми вместе с родителями (некоторые доходят до 11-го колена). Листал авторские работы учителей и учеников. Одна называлась неожиданно: «Структура мыслительной деятельности охотника».

Схема в виде концентрических кругов.

Как мыслит охотник? Вначале он думает глобально (условия жизни очень жёсткие — пояснили мне) — надо выжить.

Идёт от общего к частному: выбирает местность, где можно поставить силки, капканы, изучает повадки зверя, миграцию, всё учитывает.

От общего к частному — типичное движение охотника, «булчут» — «ищущего». Охотник должен жить без собственного расписания, а иметь в виду расписание зверя. Иначе из охотника, объяснили мне, он может превратиться в добычу, потому что зверь будет чувствовать его расписание.

Это одно из обоснований ненужности расписания уроков в школе.

«В якутской народной педагогике, — проинтерпретировал эту ситуацию Николай Бугаев — ученик должен идти к знанию как на охоту или как на войну». «Если только, — очаровательно заулыбался он своим отсутствующим, как и у меня, зубом, — вы не избрали путь шамана...» **НО**